

References

1. Akademicheskie issledovanija povesti o Petre i Fevronii / ed. A. M. Panchenko. Moscow, Nauka, 1979.
2. Gromov M. N., Kozlov N. S. Russkaja filosofskaja mysl' X–XVII vekov. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, 288 p.
3. Dmitrieva R. P. Osobaja redakcija Povesti o Petre i Fevronii // Rukopisnoe nasledie Drevnej Rusi: Po materialam Pushkinskogo Doma. Leningrad, 1972, pp. 192–209.
4. Ermolaj-Erazm. Povest' o Petre i Fevronii Muromskih // Russkaja bytovaja povest' XV–XVII vv. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1991, 448 p.
5. Karabushhenko P. L. Politicheskaja germenevtika. Astrakhan, 2012, 258 p.
6. Kologrivov Ioann. Oчерki po istorii russkoj svjatosti. Brjussel, Zhizn' s Bogom, 1961, 417 p.
7. Kuskov V. V. Istorija drevnerusskoj literatury. Moscow, Vysshaja shkola, 2003, 336 p.
8. Lihachjov D. S. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedenija literatury Drevnej Rusi. Moscow, Sovremennik, 1980, 412 p.
9. Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, 1951. Vol. X. P'esy 1868–1882.
10. Rzhiga V. F. Literaturnaja dejatel'nost' Ermolaja-Erazma // LZAK. Leningrad, 1926, iss. 33, pp. 103–200.
11. Slavjanskaja jenciklopedija. Kievskaja Rus' – Moskovija : in 2 vol. / V. V. Bogoslavskij. Moscow, OLMA-PRESS, 2001. Vol. 2.
12. Florovskij G. Puti russkogo bogoslovija. Vil'njus, Litovskaja Pravoslavnaja eparhija, 1991, 601 p.
13. Horoshev A. S. Politicheskaja istorija russkoj kanonizacii (XI–XVI vv.). Moscow, Moscow State University Publ., 1986, 206 p.
14. Shljapkin I. Ermolaj Pregreshnyj, novyj pisatel' jepohi Groznogo // S.F. Platonovu ucheniki, druž'ja i pochitateli. St-Petersburg, 1911, pp. 545–568.

**АДЫГСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК НОВАЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЭПОХА.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС**

Бекизова Лейла Абубекировна, доктор филологических наук, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, 369000, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Горького, 1а, e-mail: Fatima_M72@mail.ru.

В статье осмыслены первоосновы формирования литературно-художественной традиции адыгов-черкесов. Охарактеризовано творчество адыгских писателей-просветителей, положивших начало формированию национально-художественной традиции адыгов. Произведён анализ литературного творчества писателей-просветителей, обозначивших изначальный этап формирования литературной традиции адыгов-черкесов. В ходе анализа творчества первопроходцев решён целый ряд научных проблем, связанных с принципом изображения человека как представителя этноса, с опорой на этнокультурные традиции адыгов-черкесов.

Ключевые слова: адыгское просветительство, национально-художественная традиция, феномен просветительства, адыгство, адыгский этикет, художественное мышление, художнический угол зрения

**ADYG ENLIGHTENMENT AS A NEW CULTURAL EPOCH.
THE HISTORICAL TYPOLOGY AND GENESIS**

Bekizova Leila A., Doctor of Philological Sciences, Karachaevo-Cherkessian Institute of Humanitarian Research, 369000, Russia, Karachaevo-Cherkessia Republic, Cherkessk, 1a Gorky St., e-mail: Fatima_M72@mail.ru.

In this article we considered Adyghe-Circassians' literary-artistic tradition formation origin. Creativity of Adyghe writers of the enlightenment who initiated the formation of the national artistic tradition of Adyghe has been characterized. The analysis of literary works of the writers and the educators designating the initial stage of the formation of the literary tradition of Adyghe-Circassians has been completed. During the analysis of the pioneers' creative work a number of scientific problems associated with the principle of the man image as a representative of the ethnic group based on the ethno-cultural traditions of Adigas Circassians have been determined.

Keywords: Circassian enlightenment, the national artistic tradition, the phenomenon of enlightenment, Adyghe etiquette, artistic thinking, artistic angle of view

Художественное видение человека, народа, героя и действительности в творчестве адыгских писателей-просветителей XIX в. было обусловлено исторически. Время предопределило их гражданский и художнический угол зрения, поэтику в целом, в их разножанровом творчестве были заложены основы художественного историзма. Адыгские просветители были писателями, первыми учёными-гуманитариями: историками, этнографами, фольклористами. К вступлению в диалог с Россией их, получивших образование в российских военных учреждениях, университетах и кадетских корпусах, побуждало желание всесторонне раскрыть и представить перед русским читателем высокую духовность своего народа, его взгляды на мир, самобытность.

1860-е гг. ознаменовались в России интересом к быту, нравам, положению горских народов, образу жизни «низших» слоёв общества, к этническим и региональным особенностям жизни русских губерний. Наметился и интерес к изображению «маленького человека», униженного бедственным положением в обществе. Воспитанная на русской культуре адыгская интеллигенция, лучшие её представители, исповедовавшие просветительские идеалы и ориентировавшиеся на них, взглянули на свой народ сквозь призму современных задач, стоявших перед страной. Вышедшие из кадетских корпусов, российских университетов и школ, они отчетливо понимали свою миссию посредников между русским народом и народами Северного Кавказа. Закономерно поэтому, что языком общения, на котором зародилось литературное творчество писателей-просветителей, стал русский язык, открывший возможность взаимопонимания между национальными культурными континуумами.

Наследие адыгских просветителей бесценно для углубления понимания специфической логики национального культурного процесса и «диалогической логики» (В.С. Библер) длительных историко-культурных взаимосвязей адыгов и славян, адыгов и русских. Усилиями адыгских учёных – историков, этнографов, фольклористов, литературоведов, социологов – создано немало фундаментальных работ, проливающих свет на формы развития общеадыгского феномена.

Этикет являет собой квинтэссенцию этнической культуры адыгов, заключает в себе единую концепцию сознания народа. Этикет – это форма социокультурного и культурно-коммуникационного проявления, нартский эпос – его культурно-философская и культурно-ментальная его основа. Просветители делают эту проблематику основой своего входа в национальную духовную традицию.

Б.Х. Бгажноков, исследуя адыгскую этику как систему, выделяет термин «Адыгство» (адыгагъэ) в связи с жизненным миром личности. «Адыгагъэ – адыгство, совокупность принципов и норм адыгской этики: человечность, чуткость, благовоспитанность, скромность, гостеприимство». Он даёт толкование термина, произведённого от самоназвания народа: адыг – Адыгство, термин ассоциируется с аккумулятором и транслятором духовно-нравственной культуры и энергии многих поколений. Это не только моральный идеал, но и специфическое выражение жизненного мира и национального духа черкесов [1, с. 15].

Адыгские просветители на новом историческом витке показали, как в новых условиях выражается специфика жизненного мира и национального духа черкесов, включающего идею этикетного должностования. Сквозь призму этикета осуществляется самооценка личности, воспринимается окружающий мир. Настоящий адыг-

черкес ведёт себя в соответствии с заповедями адыгской этики. Настоящий адыг тот, в котором живёт дух его предков, проявленный, как у просветителей, по-новому в новых условиях. Адыгство как синоним человечности должно формировать в каждом представителе этноса ментальность в соответствии с нравственными представлениями народа – такой вывод читается в творениях просветителей. Здесь присутствуют по-новому выявленные главные заповеди адыгской этики: человечность (тот, кто обладает человечностью, обладает адыгством), почтительность (понятие «намыс», включающее в себя воспитанность, скромность, деликатность), честь, совесть и мужество (сопряжённые с понятием «Напа» – лицо) и, наконец, мудрость, т.е. этически (по-адыгски) ориентируемый ум.

Глубинная философия эпоса «Нарты» позволяет говорить о типологических сходениях культуры адыгов с культурой древних греков как равноправных участников диалога на мировидческом уровне¹. Аксиология культурного уровня выражается не только у просветителей в письменном виде.

Говорить о соотношении фольклорного и литературного мировидения необходимо с учётом взаимодействия во времени двух систем, и это хорошо видно в просветительской эстетике. Это обнаружит себя на новом этапе взаиморавновесия мировидческого и художественного сознания адыгских просветителей, в их научном и литературном творчестве.

Просветительская мысль адыгов – Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, С. Казы-Гирея, А. Кешева, Ю. Ахметукова и др. – обрела в силу сложившихся исторических условий в XIX в. выход в межкультурный диалог с Россией вместе с другими просветителями Северного Кавказа. До сих пор в науке не существует ответа на вопрос о том, что есть просветительство, почему оно присуще всем северокавказским литературам в качестве культурного анклава. Для нас тем более чрезвычайно важно заявить мысль о значимости их письменного слова. Традиция человековедения, художественно воплощённая в «Нартах», получила дальнейшее развитие в многоаспектном творчестве просветителей. Письменное слово адыгов реализуется в многожанровом и разностороннем творчестве писателей, историков, этнографов, создававших свои труды на русском языке с использованием кириллической азбуки. Явленность диалога обозначается через печатное слово, посредством произведений на русском языке, исторические и этнографические труды. Адыгские просветители «явились» в русское национальное пространство. Русский язык стал для них проводником в это пространство, послужил важнейшим средством культурного диалога, способствующего обретению места в общероссийском историко-культурном контексте. В трудах, написанных на русском языке, в воспринятых современных литературных жанрах просветители являли миру свой этнос, размыкая его культурную самоценность в мировое культурное пространство.

Все просветители, как было сказано, обучались русскому языку в гимназиях и высших учебных заведениях. Сфера их деятельности была обширна; они служили в российских войсках, в спецкорпусах типа Кавказско-Горского полускадрона, получали чины и воинские звания (что в определённой мере продолжало упоминавшуюся нами традицию ратного взаимодействия славян и горцев).

В научном и художественном творчестве просветителей проявлялись особенности жизнеустройства народов Северного Кавказа, история адыгов-черкесов, современный порядок быта и нравов их Родины. Об этом свидетельствуют труды Ш. Ногмова, автора «Истории адыгейского народа» (1958) [2], этнографа С. Хан-Гирея «Вера, нравы, образ жизни черкесов» [3], художественные произведения С. Казы-Гирея, напечатанные на русском языке в журнале «Современник», издаваемый А.С. Пушкиным; рассказы и повести Адиль-Гирея Кешева, проза Ю. Ахметукова и многих других феноменальных личностей, чьё наследие получает теперь научное осмысление в трудах историков, языковедов и литературоведов (А. Хакушев [4], Р. Хашхожева [5] и др.).

¹ На древней и раннесредневековой истории народов Северного Кавказа лежит отблеск античной цивилизации с V–IV в. до н. э. вплоть до 70-х гг. IV в.

Заслуга адыгских просветителей в том, что они заявили о существовании культурной самоценности адыгского этноса, а драматизм их деятельности был в том, что они проносили своё слово через цензурные давления, всевозможные запреты и ограничения. Они буквально «прорывались» к контакту с русской культурой, стремясь открыть русскому читателю богатство культуры адыгов, донести до русского читателя высокую этику своих духовных устоев.

Новое художественное мышление адыгов было предопределено российским просвещением. Возникшее под непосредственным воздействием русской просветительской мысли творчество адыгских просветителей стимулировало переход от мифопоэтического мышления к индивидуальному, письменному созиданию словом (заметна в этом роль русских писателей, в особенности Пушкина, Лермонтова). Кавказцам, стремящимся к знаниям, в силу объективных условий того времени, приходилось идти довольно сложными путями: через мусульманские медресе, где можно было получить хотя бы начальные знания. А потом путь к русскому языку лежал через армию, российские вузы (в Московском университете учился Локман Кодзоков, Кешев – в Петербургском университете).

Длительное общение с русскими людьми благоприятствовало достижению цели, ради которой Ш. Ногмов сменил духовное звание на скромную должность полкового писаря. В этот период он составляет первую кабардинскую азбуку на русской графической основе. Служит в Петербурге Лейб-гвардии Горского полуэскадрона; связь с русскими укрепила в нём веру в «чудодейственную» силу просвещения, потому он и оставил яркий след в истории культуры Кавказа.

Различны были пути и каналы, по которым передовая русская общественная и педагогическая мысль проникала в среду адыгов. Вхождение в состав России народов Кавказа отвечало экономическим, культурным и гражданским интересам народов, которым грозило физическое и духовное вымирание. Независимо от самодержавной власти на Кавказе начался необратимый процесс единения народов, и особую роль, конечно, сыграло русское просвещение¹. В основе просветительских идей передовых представителей русской интеллигенции лежала политика культурного развития народов Кавказа в составе России и выступление против угнетения народов Кавказа. О прогрессивной роли русского просветительства, о влиянии русской педагогической мысли на развитие образования, создание письменности сказал грузинский просветитель Илья Чавчавадзе (1837–1907): «Нечего и говорить, что русская литература сыграла руководящую роль на пути нашего прогресса и оказала большое влияние на всё, что составляло наши духовные силы, она наложила свой отпечаток на наши мысли, на наши чувства и вообще определило наше направление».

В настоящее время у нас нет ни одного общественного деятеля и литератора, который был бы свободен от влияния русской литературы. Это неудивительно, русская литература, школа и наука открыли нам двери к просвещению, а русская литература дала пищу нашему разуму, она вскормила нашу мысль и направила её на путь движения.

Мощный подъём общественно-педагогического движения 60-х гг. XIX в. в России увлёк передовых людей Кавказа, в том числе и адыгов. Среди адыгов появились последователи К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого. Кази Атажукин – педагог и просветитель, считал себя учеником Ушинского, перевёл его учебник «Детский мир». Многие школы открывались на народные деньги. В них обучали русской грамоте, арифметике, географии и истории. Дети учились по учебнику Л. Толстого «Родное слово», «Детский мир». Преподавал в школе П. Тамбиев – последователь К.Д. Ушинского. Его ученик А. Гатагогу был аульным писарем, а затем письмоводителем и перево-

¹ Повторим ещё раз. До присоединения к России на Кавказе в основном функционировали религиозные школы – медресе. С 1860 г. начали открываться различные светские школы – сельские нормативные училища – двухклассные, одноклассные, национальные. В XIX в. кавказская аристократия получила возможность учиться в русских учебных заведениях.

дчиком канцелярии участкового начальника над горцами. Л. Толстой подарил аулу библиотеку, состоящую из произведений русской классики, словарей, учебников.

С появлением феномена просветительства начался новый этап развития художественной культуры этноса. Адыгские писатели-просветители, являясь носителями современного (в широком понимании) сознания, стали зачинателями диалогической рефлексии между традицией и современностью: благодаря творчеству просветителей народ сохранился во времени. Обладая живым «архетипическим» фольклорным опытом, адыгские просветители создали в своём творчестве национальный образ черкеса в качестве идеала, опираясь на этнонациональные традиции изображения человека. Каков этот человек, этот народ? Ответы на эти вопросы составляют историческую конкретность мировидческих основ, которые складывались в историческом времени в ходе формирования ментальности народа адыге.

Многовековой исторический художественный опыт черкесского этноса даёт основание говорить о том, что в XX век адыги пришли, имея опыт создания письменных литературных форм. Об этом свидетельствует русскоязычное научное и художественное творчество адыгских писателей-просветителей – неотъемлемая часть феномена северокавказского просветительства в целом.

Список литературы

1. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик : Эльфа, 1999. – 96 с.
2. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа / Ш. Б. Ногмов. – Нальчик : Кабардино-балкарское книжное издательство, 1958. – 240 с.
3. Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи жизни черкесов / Хан-Гирей // Русский вестник. – 1842. – № 4.
4. Хакуашев А. Х. Адыгские просветители / А. Х. Хакуашев. – Нальчик, 1978.
5. Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века / Р. Х. Хашхожева. – Нальчик : Эльбрус, 1996.

References

1. Bgazhnokov B. H. Adygskaja jetika. Nal'chik, Jel'fa, 1999. 96 p.
2. Nogmov Sh. B. Istorija adygejskogo naroda. Nal'chik, Kabardino-balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 240 p.
3. Han-Girej. Vera, nrawy, obychai zhizni cherkesov // Russkij vestnik, 1842, № 4.
4. Hakuashev A. H. Adygskie prosvetiteli. Nal'chik, 1978.
5. Hashhozheva R. H. Adygskie prosvetiteli XIX – nachala XX veka. Nal'chik, Jel'brus, 1996.

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИНОМЕНТАЛЬНОМ ЖАНРОВОМ КОНТЕКСТЕ «ПОВЕСТИ О ПЛУТЕ И МОНАХЕ» И. БОЯШОВА

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dmitriybychkov@list.ru.

Анализируются особенности игровой поэтики «Повести о плуте и монахе» И. Бояшова. Делаются выводы о жанрово-стилевом своеобразии произведения, выявляются принципы интерпретации агнографической традиции в иноментальном контексте. Акцентируется внимание на том, что персонажи-концепты представляют собой воплощение двух аспектов русской национальной ментальности. Для анализа и интерпретации произведения привлекаются труды психолога К. Юнга и социолога П.А. Сорокина, что позволяет сделать обобщающие выводы.

Ключевые слова: дискурс, агнография, традиция, жанр, ментальность